

УДК 811.161.1'373'42:398.8

DOI 10.37972/chgpu.2024.122.1.008

Ж. В. Марфина

АРХЕТИПЫ ОТЕЦ, МАТЬ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ НАРОДНО-ПЕСЕННОМ СУБПРОСТРАНСТВЕ

*Луганский государственный педагогический университет,
г. Луганск, Россия*

Аннотация. Народно-песенное субпространство является основой моделирования образа языкового этнического мышления, а фольклорные образы выступают знаками, воплощающими знания о культуре и традициях того или иного народа. В статье на материале русских и украинских народных песен исследованы вопросы актуализации архетипных сем номинаций родства в народно-поэтическом субпространстве восточных славян. В словаре фольклорной поэтики восточных славян одной из важнейших составляющих являются архетипы *отец*, *мать* как воплощения определенных идеалов. Актуальность исследования обусловлена повышенным вниманием современной лингвистической науки к определению способов ассоциативно-образного моделирования субпространств, в частности народно-поэтического. Для решения поставленных задач были привлечены контексты из сборников русских и украинских народных песен, в исследовании которых были использованы метод сплошной выборки, описательный метод, включающий в себя наблюдение, сопоставление, обобщение и интерпретацию данных. В результате анализа ассоциативно-образных связей номинаций «отец», «мать», закрепленных в народно-поэтических синтагмах, установлены поддерживающие данные связи текстообразующие средства. Отмечено, что архетипные образы отца и матери в фольклорных песенных текстах восточных славян характеризуются устойчивыми ассоциациями с ярко выраженной коннотацией (как позитивной, так и негативной). Определены смысловые доминанты, составляющие основу внутритекстовых ассоциативных связей номинаций родства, основные мотивы народно-песенного субпространства, где ключевыми, текстообразующими компонентами выступают номинации «отец», «мать». Сделан вывод о широком использовании внутренних сем исследованных номинаций в народно-поэтическом субпространстве.

Ключевые слова: *архетип, народно-песенное субпространство, ассоциативно-образная связь, ассоциативно-образная модель, ассоциативно-образный ряд, номинации родства*

Zh. V. Marfina

ARCHETYPES “FATHER”, “MOTHER” IN THE EASTERN SLAVIC FOLK-SONG SUBSPACE

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia

Abstract. The study explores the role of folk songs subspace in shaping the cultural and ethnic identity, as well as the significance of folklore images in conveying cultural knowledge and traditions of specific communities. Focusing on Russian and Ukrainian folk songs, the research examines the activation of archetypal semes of kinship within the folk-poetic subspace of Eastern Slavs. Within the Eastern Slavic folklore poetics lexicon, the archetypes of father and mother represent fundamental ideals. The research is motivated by the growing interest in contemporary linguistic science towards the associative and figurative modeling of subspaces, particularly in the context of folk poetry. Employing the method of comprehensive sampling and descriptive analysis involving observation, comparison, generalization, and interpretation, the study examines the associative and figurative connections of “father” and “mother” nominations within folk-poetic syntagms, the text forming means supporting these connections are established. The findings highlight the stable associations and pronounced connotations (both positive and

negative) attributed to the archetypal father and mother figures in Eastern Slavic folklore. Additionally, the study identifies the dominant themes that form the basis of intra-textual associative links of kinship nominations, underscoring the centrality of “father” and “mother” nominations as key text-forming components within the folk-song subspace. Ultimately, the study affirms the widespread utilization of these internal semes within the folk-poetic subspace.

Keywords: *archetype, folk-song subspace, associative-figurative connection, associative-figurative model, associative-figurative series, kinship nominations*

Введение. Одной из актуальных задач современных лингвостилистических исследований является определение способов ассоциативно-образного моделирования поэтического языка, сквозных компонентов, выявляющих его связь с другими системами образного моделирования действительности в вертикальном контексте лингвокультуры. Именно в этом направлении происходит активизация лингвистических студий, в которых представлен разноаспектный анализ ассоциативно-образных структур, в т. ч. народно-поэтических.

Ученые неоднократно отмечали тот факт, что одной из основных составляющих народно-песенного субпространства в восточнославянском фольклоре являются номинации родства, которые приобретают в таких контекстах определенную эстетическую нагрузку [5, с. 8]. С. М. Толстая отмечала, что в разных жанрах фольклора номинации родства «наделяются дополнительными смыслами и коннотациями, а во многих случаях, особенно в эпических балладах и песнях, отношения родства становятся главной темой повествования и источником основной коллизии» [15, с. 21], т. е. использование номинаций родства как ключевых, текстообразующих единиц для народно-поэтической культуры является традиционным. Среди них особо выделяются своим функционально-семантическим потенциалом номинации «отец», «мать»: именно они транслируют состояние внутреннего мира человека, его переживания, семейные связи, бытовую этнокультуру, морально-этические ценности национального бытия, на что неоднократно указывали исследователи в своих работах [1], [2], [3], [4], [6], [8], [9], [11], [16].

Язык устного народного творчества отражает составляющие архетипов *отец*, *мать*, которые, по нашему мнению, наиболее объективно воспроизводят мировоззрение восточных славян. Так, в архетипе *мать* воплощен идеал женщины-матери как олицетворение высших моральных ценностей: доброты, самоотверженности, любви, трудолюбия, милосердия, заботливости и т. п., а архетип *отца* – это воплощение опоры в жизни, опыта, авторитета в роду.

Цель нашего исследования – охарактеризовать зоны проявления архетипного содержания номинаций родства «отец», «мать», механизмы их стереотипизации и закрепления в народно-поэтической сочетаемости в русском и украинском фольклоре.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день остаются малоисследованными ассоциативно-образные явления в субпространствах (поэтических, народно-поэтических и др.) с учетом действительности архетипов языкового сознания представителей определенного этноса.

Материал и методы исследования. Материалом для исследования послужили народно-песенные контексты из русских и украинских фольклорных сборников: Народные лирические песни. Л., 1961; Русские народные песни: сборник / сост. А. Н. Розова. – Л., 1988; Закувала зозуленька. Антологія української народної творчості: пісні, прислів'я, загадки, скоромовки. – Київ, 1989. Выбор данных источников обусловлен тем, что они являются одними из наиболее полных сборников, в которых представлены и систематизированы образцы обрядовой и необрядовой народной лирики разных исторических периодов. В них включены народно-песенные тексты из ранее изданных сборников (как например, семитомный свод «Великорусские народные песни», изданный А. И. Соболевским

в 1895–1902 гг.) [12, с. 5–7], [7, с. 9–10]. Всего обработано и проанализировано 1655 контекстов русских и украинских народных песен.

Основными методами, использованными в нашем исследовании, являются метод сплошной выборки, описательный метод, включающий в себя наблюдение, сопоставление, обобщение и интерпретацию данных.

Результаты исследования и их обсуждение. Эстетизированные стереотипы родственно-бытового общения предстают в характерных народно-поэтических синтаксических структурах. Самая распространенная их разновидность – с обращением к отцу-матери как к мудрым советчикам, к самым близким людям, с которыми можно поделиться радостью, горем, интимными переживаниями. Наряду со стилистически нейтральными обращениями, как, например: *А ты сей, **мати**, мучицу, пеки пироги, Слава!* [12, с. 79]; *Позволь, **мати**, розказати, Як строкар бідує* [7, с. 389], зачастую употребляются функционально значимые разговорные варианты, ср. рус. *батюшка/мамонька, матушка*, укр. *батеньку, тату/мамо, мамцю, матінко, матусю, матусенько, ньєчко* и т. п.: *Государь ты мой, родной **батюшка!** Государыня, моя родна **матушка**, Пожалейте-ка меня, постарайтесь обо мне!* [12, с. 131]; *Та ой батеньку, голубчику, Прошу я тебе, Як прийду я обвінчана, Чи приймеш ти мене?* [7, с. 103]; *Приведи-ка ко мне, **мамонька**, Да приведи, государыня, Кого прежде любила!* [12, с. 157–158]; *Ой, рад би я, **матусенько**, Скоріше вернуться, Та щось **мій** кінь вороненький В воротах спіткнувся* [7, с. 309]; *Ой, **матінко** моя, Тепер я не твоя, Тепер я того пана, Що задаток дано* [7, с. 366].

В народно-песенных контекстах активно используются эпитетные обращения, распространенные местоименным прилагательным *мой, моя*, выражающим прямую связь лирического героя с адресатом (отцом, матерью) и одновременно усиливающим сему 'родство'. Зачастую эта модель обращения имеет трехкомпонентную структуру, дополняемую эпитетами с семантикой субъективной, как правило, положительной оценки (*дорогой (дорогая, дорогие)*); с семантикой родства с кем-либо (*родимый (родимая), родной (родная)*) и т. п.: *Родимая моя **матушка!** Пройдет зима студеная, Настанет лето теплєе...* [12, с. 251]; *Лєгше мені, **моя мати**, Круту гору розкопати, Аніж мені, **моя мати**, Царське плаття надівати...* [7, с. 248].

Особое эмоциональное напряжение и ритмо-мелодическую линию создают повторы обращений лирического героя к матери: *Ах ты **мати**, **моя матушка**, Ах ты **мати**, **государыня моя!** Ты на что, **мати**, хорошу родила, на что, **мати**, пригожу родила, Что счастливую, таланливую, Что таланливу, догадливу? Мне нельзя, **мати**, по улице ходить, Мне нельзя, **мати**, по широкой гулять: Мигуны, **мати**, помигивают, Свистуны, **мати**, посвистывают...* [12, с. 119]; *Ой, як мені, **моя мати**, горілки не пити, Як не хоче мене, **мати**, дівчина любити? Ой, умру ж я, **моя мати**, ой, умру, ой, умру, Зроби ж мені, **моя мати**, з кєдриноньки труну* [7, с. 192].

Семантические компоненты архетипов *отец, мать* раскрываются в контекстной сочетаемости, связанной с основными бытовыми коммуникативными ситуациями. Так, в народно-песенном субпространстве образы отца и матери воплощают представление восточных славян о счастье и благополучии: *Красна девица воду черпала... Призадумалась, заплакала, А заплакавши, слово молвила: «Хорошо тому жить на сем свете, У кого как есть **отец и мать**, И отец, и мать, и брат-сестра, Ах брат-сестра, что и род-племя!* [12, с. 162]. В границах одной поэтической синтагмы посредством глагольно-предикативной ассоциации, находящейся в сильной позиции (напр., в начале предложения), обобщается архетипная сема 'родитель', 'кормилец' номинаций родства «отец», «мать», как вот: *«Ах, кто ж меня вспородил, молодца?» – «Вспородила родна **матушка**, Вспородила родна **матушка**, Вспоил-вскормил родной меня **отец**, Вспоил-вскормил родной меня **отец**...* [12, с. 179].

В народном воображении родители являются олицетворением мудрости, жизненно-го опыта. К отцу, матери обращаются за советом в различных жизненных ситуациях, им доверяют и с их мнением считаются. Такая ассоциативно-образная связь представлена в народно-песенном субпространстве через предикаты с определенной семантикой (*попросить, посоветовать* (укр. *порадити*)) и через конструкции с приложением, нередко содержащие в своей структуре интимизированные определения (*мой, моя, родная* (укр. *рідная*), (укр. *вірная*): *Схожо красно мое солнышко, Родитель мой, батюшка! Чего я у тебя попросаю, Я не с хитрости, и не с мудрости – С девья глупого ума-розума* [12, с. 234]; *Мати моя, мати, Пораднице в хаті, Порадь мене моя мати, Як нелюба звати* [7, с. 206]; *Озирнеться моя матінка, Озирнеться моя рідная, Порадонька моя вірная* [7, с. 259].

К отцу же обращаются в ситуациях, связанных с выбором спутника жизни, что наглядно отображено именно в русских народно-песенных контекстах: *Ты приятный, желанный батюшко! Да кого же выбрал мне чуже-чуженина?* [12, с. 280]; *«Ты родимый батюшка, Не ходи к дубову столу, Не прймай золотой чаты, Ты не пей зелена вина, Не пропей меня, млоду, Мою русу косоньку, Мою девью-то красоту На чужую сторону!»* [12, с. 241].

Для русских и украинских народных песен характерна ассоциативная связь *родина-мать* (укр. *матір – батьківщина*), в которой воплощена общественная роль женщины. Оптимистическим настроением, воплощающимся в параллельном употреблении императивов *не плачь* (укр. *не плач*), *не сокрушайся* (укр. *не журися*) и глагольных форм будущего времени *буду живая* (укр. *буду живая*), *буду счастливая* (укр. *буду щаслива*), полны строки, в которых лирическая героиня, находясь на чужбине, мыслями обращается к матери как к олицетворению родного края. Ассоциативный ряд *мать – родина* зачастую актуализируется сочетаемостью номинаций родства «отец» («батюшка»), «мать» («матушка») с постоянным эпитетом *родная* (укр. *рідная*), со словосочетаниями *своя сторона, родная сторонушка*, например: *Я слетал бы на свою сторону, Уж я сел бы на широкий двор... За первым-то столиком родной батюшка сидит, За другим за столиком родна матушка...* [13, с. 447]; *На родимой на сторонушке Есть отец и мать, Есть и брат-сестра, Есть и милый друг!...* [13, с. 474]; *В неділю раненько стану на порозі, А із Німеччини та й на Україну Видно три дорозі: ...Третя доріженька, де я простояла – Там моя матінка, там рідная За мною влівала. Не плач же, матінко, не плач, не журися, Буду я живая, буду я щаслива – Додому вернуся* [7, с. 100].

Ассоциативный ряд *отец, мать – родина* в народных песнях восточных славян неотделимо связан с мотивом расставания. Так, в народно-песенном субпространстве минорное настроение поддерживается дистантным сопоставлением образа *чужой стороны* (*чужого края*) как олицетворением одиночества и образов *сада* (в русских народных песнях сопровождается постоянным эпитетом *зелен*, а в украинских – *вишневый* (укр. *вишневий*)), *кипариса, яблоньки, орла, соловейка* (рус. *соловушки*), традиционно символизирующих родной дом, родной край: *По горам-горам по высоким Млад сизой орел высоко летал. Высоко летал, жалобно кричал. Во строю солдат тяжело вдыхал: «Мне не жаль, не жаль самого себя, Только жалко мне зелена сада:... ..Третье деревцо – зелена груша. Кипарис-дерево – родной батюшка; Сладка яблонька – родна матушка...»* [13, с. 185]; *А на чужій сторонці Ні батька, ні неньки, Тільки в саду вишневому Співа соловейко* [7, с. 286].

Во многих народных песнях воспевается беззаботная, счастливая жизнь в родительском доме. В таких народно-поэтических текстах через развернутое в широком контексте сопоставление *с чужим краем* как воплощением чужого рода/семьи актуализируется не только архетипная ассоциативная связь *отец, мать – родина*, но и сила родительского попечения и заботы, реализуемые ключевыми компонентами контекста: *Тяжело, моя голубушка, жить на чужой стороне, Тяжело жить в чужих людях. ...Как родимая-то матушка Во первой-от раз побудит – По головушке погладит... Как во второй-от*

раз побудит – куньей шубкой окутает... У родимой-то матушки, у родимого-то батюшки Я не знала, молодешенька, Где восходит солнышко... [12, с. 246–248].

Сила психологической связи отца, матери с собственным ребенком, восприимчивость к его боли, тоске по родным воплощается в параллелизованном ассоциативном ряду. Такая ассоциативно-образная связь создается на основе семантико-синтаксического сопоставления образных ситуаций из сферы природы и жизни человека. Так, в русских фольклорных контекстах компонентами подобных ассоциативно-образных моделей выступают пространственные названия, дающие «возможность лучше продемонстрировать эмоции, чувства и переживания в целом, придающие народной песне большую рельефность и выразительность» [14], как например: *Став со батюшкой прощаться – Небо, земля простонало, Став со матушкой прощаться – Свет-от стал переменяться* [13, с. 183]; *С родной той ли маменькой я разоставался – Мать сыра ли земля да простонала* [13, с. 182]. В украинском же народно-песенном субпространстве, по нашим наблюдениям, в конструкциях ассоциативно-образного параллелизма преобладает растительная символика (*Пливла, пливла з рожі квітка, Та й на воді стала, Вийшла мати воду брати, Та й квітку пізнала: «Ой, десь моя дитинонька Недужа лежала»* [7, с. 239]). Подобные ассоциативные модели активны и в русских народных песнях, где цветы являются олицетворением девушки, а их физическое состояние (увядание под воздействием мороза) – ассоциативным проявлением психологического состояния лирической героини, ее печали из-за принятого родителями решения о замужестве (*Цветики розовые, Кабы вам, цветы, да не морозы! Кабы мне, молодой, да не кручина, Ни о чем я в свете б не тужила! Сколь я батюшку говорила, Родной матушке начитала: Не отдайте вы нонче замуж, Вы не кидайтесь на богатство, На богатство да на высок терем: Не с богатством мне жить, А с человеком да со советом!* [12, с. 153]).

В сознании восточных славян укоренилась архетипическая связь *мать – страдания*, актуализированная в народно-песенных контекстах в символических сравнениях с *пташкой, ласточкой, голубкой, зозулей*. Традиционно птица олицетворяет женщину, волнующуюся за своего ребенка: она *плачет* (укр. *плаче*), *воркует* (укр. *воркує*), ей *болит* (укр. *болить*), ее *разлучают* (укр. *розлучають*): ... *Прилетели к доброму молодцу три ласточки, Из них первая садилась на буйной главе... Что как первая-то пташка – родна матушка, А другая-то пташка – то мила сестра, Ах, как третья-то пташка – молода жена... Его матушка плачет – что река льется...* [13, с. 203]; *Біля нього [партизана] мати, Як пташечка, в'ється: «Любий мій синочок, Що тобі здається? Коло тебе ж мати, Як голубка, плаче, День і ніч воркує, І ніхто не баче... Болить моє серце По тобі, синочок, Розлучили німці Нас, мій голубочок»* [7, с. 361].

Еще один образный компонент архетипной семантики номинации «мать» в восточнославянской народной поэзии – преданность, верность и безграничная любовь к ребенку. Такое олицетворение достоинств женщины-матери прослеживается в песенных строках, основным мотивом которых является ожидание сына из военного похода. Например, в таких украинских народно-песенных контекстах сопоставление *мать – тополь* (укр. *мати – тополя*) имплицитно и внутреннее, и внешнее состояние существа, при этом углубляется содержание растительного символа, который становится воплощением грусти, печали: *Ой у полі тополеньку Вітер колихас, А під нею стоїть мати, Сина виглядає* [7, с. 248].

Проанализированный материал показал, что в народно-поэтических контекстах, транслирующих мотив расставания, номинации родства зачастую ассоциативно сближаются с орнитологическими и растительными этносимволами. Показательно, что архетипное содержание номинации «мать» в русском народно-песенном субпространстве определяется широким контекстом, а именно ее сочетанием с ключевыми орнитосимволами *кокушка, соловьюшко*: *Во первом-то было садичке Кокушка сидит, кокует; Во втором-то было*

садишке – *Соловьишко громко свищет; Во третьем-то было садишке – Родная матушка сидит-плачет. Она плакала, рыдала И во солдатушки сына снаряжала: «Уж ты сын, мой сыночек, И сын ты мой ясной соколочек!»* [13, с. 179]. И для украинских, и для русских народных песен характерна контекстуальная сочетаемость номинации «мать» с растительным словом-образом *калина* как символом жизни, материнства [10]. Стилистическая функция данного символа, связанная в первую очередь с мотивом провожания сына (дочери) на войну (на чужбину), вполне естественна. Эта ассоциативная связь поддерживается глагольными формами *расцветать*, *зацветать* (укр. *зацвітати* (*розцвітати*)) – *отдавать*, *снаряжать* (укр. *виряджати*) и усиливается употреблением местоименного прилагательного *свой*, указывающего на родство объекта и субъекта: *Калина с малиной не во время расцвели; О ту пору-времячко мати сына родила; Вспоила-вскормила о семнадцати годов; Мать сына во солдаты отдала* [13, с. 139]; *Ой, у лузі, при дорозі Зацвіла калина... Виряджала в доріженьку Мати свого сина* [7, с. 312].

Цветущая калина – это и предосторожность, и символ единения с домом, и временно-пространственный конкретно-чувственный образ весны, проецирующий оптимистический настрой матери на возвращение детей. В русских народных лирических песнях символический образ калины (калинки с малинкой), как правило, сопровождает мотив выданья замуж против воли девушки: *Калинку с малинкой вода поняла, На ту пору меня матушка родила, Не собравшись с разумом, замуж отдала, Замуж отдала за неровнюшку, За неровнюшку в чужу сторону...* [13, с. 312].

Мотив ожидания в народно-песенных контекстах также связан в первую очередь с образом матери и определяется глаголами *дожидать*, *ждать*, *плакать*, *высматривать* (укр. *виглядати*), *провожать* (укр. *проводжати*) и т. п.: *Мать сына в гости дожидает С чужой дальней стороны* [13, с. 214]; *Росла, росла травиченька Та й посихать стала, Ждала мати з війська сина Та й плакати стала* [7, с. 210]; *Вийшла стара мати, Стала коло хати – Виглядає сина Из війни додому* [7, с. 174].

Перекликается с мотивом ожидания и мотив встречи сына/дочери с родителями после разлуки (после военного похода, длительного расставания в связи с замужеством и др.). Такие контексты отражают многочисленные традиции восточных славян, как например: *...Подъезжает [казак] к дому К родительскому. Мать сына встречает с иконой в руках...* [12, с. 119]; *Лето проходит, матушки нету, Другое проходит, сударыни нету, Третье настало, матушка едет. Встречу я матушку среди поля. Среди поля, среди чистого* [13, с. 142].

Типичными и для русского, и для украинского фольклора являются ситуативные ассоциации *отец*, *мать* – *разлука* и *отец*, *мать* – *поучение*. В таких контекстах смысловыми доминантами, составляющими основу ассоциативной связи, выступают глаголы соответствующей семантики типа *сказать*, *поучать* (укр. *научати*), *приговаривать* (укр. *промовляти*), а также императивы, используемые в прямой речи: *Его матушка провожала, Государыня родима снаряжала, Хорошо ему кудерки расчесала, На поездке таково слово сказала: «Ты поедешь, мое дитячко, жениться На душечке на красной на девицы: ... Не дари-тко их рублем и не полтиной, А унижайся своим низким поклоном, Еще паче того поцелуем...»* [13, с. 144]; *Виряджала, промовляла: «Сину мій коханий, Дивись пильно, щоб не сунувсь Ворог препоганий»* [7, с. 344].

Типичной для контекстов, в которых воспеваются родительское терпение и самопожертвование, как и в целом для архетипов *отец*, *мать*, является семантическая связь номинаций «отец», «мать» с прилагательными *родной* (*родимый*), *родная* (укр. *рідний*, *рідна*), *седой*, *седая* (укр. *сивий*, *сива*), *старый*, *старая* (укр. *старий*, *стара*). Вместе с внешней, возрастной и психологической характеристиками закрепляется коннотация

отец, мать – жизненный опыт: Вийшла в поле **мати сива** Виглядати з бою сина, Чернобривого Максима, Ще й богатиря [7, с. 316]; Ой, у саду ранесенько Зозуля кувала, **Стара мати** веселую пісню заспівала: «Ой, як мені не співати, як не радіти, Не наймити, не бурлаки Тепер мої діти» [7, с. 351].

Архетипи *отец, мать* прочно связаны с народными представлениями о традициях, обычаях, обрядах. В народном представлении *отец* олицетворяет хранителя традиций, почтительность, уважение, а *мать* – доверие, семейный оберег. К ним обращаются за советом, благословением (*кланяються в ноги* (укр. *вклоняються в ніженьки*)): «Уж ты, родимой батюшко, Ты какие думы думаешь, Ты какие мысли мыслишь...: Не меня ли замуж выдаешь, Не меня ли запросатаешь?» «Ты дитя ли, чадо малое, Что нельзя замуж не выдать, Права ручка была давана, Воску ярого свечи теплены, Зеленое вино выпито...» [13, с. 220]; *Зелений дубочок На яр похилився, А син своїй неньці В ніженьки вклонився.* «Ой, час-пора, мати, Мене оженили: Прийде нічка темна, Ні з ким говорити!» [7, с. 398].

В народно-песенных контекстах зафиксировано и негативное восприятие отца и матери, которое, прежде всего, связано с определенными бытовыми ситуациями:

– мотив принудительного брака (*силою женити* (рус. *силой женить*)), например: *Марусенька по бережку ходе, А за нею вітер хвилю гоне. Марусенька на хвилю ступила, Мати сина силою женила. Мати сина силою женила, По вулиці невістку судила* [7, с. 169];

– мотив выданья замуж дочери за нелюбимого/неровню (*не любимая сторонушка, просватал в несогласную семью, в непокрытую избу, дала в тяжку неволю* (рус. *дала в тяжелую неволю*), *за нелюба світ зав'язала* (рус. *за нелюбимого свет завязала*): *Как бы знала я, млада, ведала, Что просватал меня сударь батюшка не в любимую сторонушку, Не за прежнего любовника, Не за ладушку за милого, А отдал меня батюшка Не в согласную семью, Не в покрытую избу* [12, с. 237]; *Кохав мене батько, як біду тополю, Дала ж мене мати у тяжку неволю Мати, мати, що ти гадала, Що за нелюба світ зав'язала* [7, с. 243];

– мотив наказания (*больно бить*): *Ах, за эти ль меня нити Хочет мати больно бити!* [12, с. 124];

– мотив ограничений (*батюшка воли не дает, мать благословеньца не кладет, грозен батюшка не велит*): *Батюшка родимый воли не дает, Мать моя благословеньца крепкого не кладет, Род-племя ругают молодца, бранят, Тебя, раскрасавицу, брать все не велят!* [13, с. 61]; *На родимой стороне грозен батюшка живет; Он грозен, сударь, грозен да немилостивый: Не велит поздно гулять, с холостыми мне играть!* [12, с. 193].

Такое же негативное восприятие образа женщины-матери отмечается в опозитизированных семейно-бытовых ситуативных контекстах, в которых говорится о взаимоотношениях невестки и свекрови (*чужая* (укр. *чужа*), *неродная* (укр. *нерідная*): *Головонька моя бідная, В мене ненька нерідная, Дружинонька неймовірная, Чужа сім'я непривітная!* [7, с. 131]; *А чужа сторона від вітру шумить, Чужа матіночка не б'є – та й болить* [7, с. 112].

Народно-песенные тексты с такими ассоциациями типичны, но их значительно меньше, по сравнению с теми, в которых семантизировано положительное ассоциативное восприятие образов отца и матери.

Выводы. Таким образом, анализ русского и украинского текстового материала показал, что языковые средства, конкретизирующие образное наполнение архетипов *отец, мать*, передают семантику родства, переживания, ответственности за судьбу детей и родной стороны. Проанализированные народно-песенные контексты (и русские, и украинские) продемонстрировали преобладание архетипного образа матери, что свидетельствует, по мнению исследователей, об «особой значимости женского начала в семейных отношениях и исторической роли матери как хранительницы домашнего очага» [5, с. 141].

Также отмечаем, что, кроме общих для двух народно-песенных культур текстообразующих средств, поддерживающих ассоциативно-образные связи номинаций, имеются отличия в сочетаемости с фольклорными символами, что отражает особенности каждой из лингвокультур.

Определено и стереотипное оценочное словоупотребление номинаций «отец», «мать» в народно-песенном субпространстве восточных славян. Примечательно, что, помимо положительной коннотации, в обеих народно-песенных культурах зафиксировано и негативное ситуативное наполнение данных архетипных образов.

В целом же архетипы *отец, мать* являются отражением ментальных особенностей восточнославянских народов, в частности русских и украинцев.

Дальнейшее исследование проблемы видится перспективным в связи с необходимостью углубленного изучения механизмов реализации ассоциативного потенциала ключевых архетипов в различных субпространствах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акимова Т. М.* О поэтической природе народной лирической песни. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1966. – 172 с.
2. *Барышникова Н. Г., Стенина В. Ф.* Концепт *семья* в алтайских былинах: дефиниции «мать» и «отец» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 1. – С. 7–12.
3. *Борисенко Т. В.* Концепты «мать» и «отец» в русской и англоязычной лингвокультурах // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. – 2020. – Вып. 120. – С. 47–55.
4. *Грицай Л. А.* Сопоставление мифологем «мать» и «отец» в русской и карельской фольклорной традиции // Грани познания. – 2013. – № 6(26). – С. 118–129.
5. *Дюзенли М. В.* Метафорическая концептуализация семейных отношений: орноморфная модель // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2014. – № 1, т. 11. – С. 137–142.
6. *Єрмоленко С. Я.* Нариси з української словесності: Стилістика та культура мови. – Київ : Довіра, 1999. – 431 с.
7. *Закувала зозуленька.* Антологія української народної творчості: пісні, прислів'я, загадки, скороомовки. – Київ : Веселка, 1989. – 606 с.
8. *Кара В. Д.* Образ-концепт *мать* в системе терминов родства в песенном фольклоре болгар Молдовы и Украины // Функционирование славянских и других языков и литератур в контексте языковой ситуации. Международная научно-практическая конференция, посвященная дню славянской письменности «Функционирование славянских и других языков и литератур в контексте языковой ситуации РМ», 11 мая 2016 г., 19 мая 2017 г. – Комрат : КГУ, 2018. – С. 50–61.
9. *Колесов В. В.* Русская ментальность в языке и тексте. – СПб. : Петербургское востоковедение, 2007. – 619 с.
10. *Кононенко В. І.* Символи української мови. – Київ ; Івано-Франківськ : Вид-во Прикарпатського національного університету ім. В. Стефаника, 2013. – 247 с.
11. *Лазутин С. Г.* Поэтика русского фольклора. – М. : Высшая школа, 1981. – 221 с.
12. Народные лирические песни. – Второе изд. – Л. : Советский писатель, 1961. – 610 с.
13. Русские народные песни : сборник / сост. А. Н. Розова. – Л. : Советский писатель, 1988. – 464 с.
14. *Тепеева Дж. Р.* Символика в русском народном песенном дискурсе [Электронный ресурс] // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2021. – № 11(79). – Режим доступа : <https://scipress.ru/upload/mixedimage/journal/2021-11-01-10-51-57-oblozhka-filologicheskij-aspekt.jpg> (дата обращения: 03.10.2023).
15. *Голстая С. М.* Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. – М., 2009. – С. 7–22.
16. *Уфимцева Н. В.* Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 139–162.

Статья поступила в редакцию 22.01.2024

REFERENCES

1. *Akimova T. M.* O poeticheskoy prirode narodnoj liricheskoj pesni. – Saratov : Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1966. – 172 s.

2. Baryshnikova N. G., Stenina V. F. Koncept sem'ya v altajskih bylinah: definicii «mat'» i «otec» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2019. – T. 12, vyp. 1. – S. 7–12.
3. Borisenko T. V. Koncepty «mat'» i «otec» v russkoj i angloyazychnoj lingvokul'turah // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki. – 2020. – Vyp. 120. – S. 47–55.
4. Gricaj L. A. Sopotavlenie mifologem «mat'» i «otec» v russkoj i karel'skoj fol'klornoj tra-dicii // Grani poznaniya. – 2013. – № 6(26). – S. 118–129.
5. Dyuzenli M. V. Metaforicheskaya konceptualizaciya semejnyh otnoshenij: ornitomorfnyaya model' // Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika». – 2014. – № 1, t. 11. – S. 137–142.
6. Ermolenko S. Ya. Narisi z ukraïns'koï slovesnosti: Stilistika ta kul'tura movi. – Kiïv : Dovira, 1999. – 431 s.
7. Zakuvala zozulen'ka. Antologiya ukraïns'koï narodnoï tvorchosti: pisni, prisliv'ya, zagadki, skoromovki. – Kiïv : Veselka, 1989. – 606 s.
8. Kara V. D. Obraz-koncept mat' v sisteme terminov rodstva v pesennom fol'klоре bolgar Moldovy i Ukrainy // Funkcionirovanie slavyanskikh i drugih yazykov i literatur v kontekste yazykovoj situacii. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, posvyashchennaya dnyu slavyanskoj pis'mennosti «Funkcionirovanie slavyanskikh i drugih yazykov i literatur v kontekste yazykovoj situacii RM», 11 maya 2016 g., 19 maya 2017 g. – Komrat : KGU, 2018. – S. 50–61.
9. Kolesov V. V. Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste. – SPb. : Peterburgskoe vostokovedenie, 2007. – 619 s.
10. Kononenko V. I. Simvoli ukraïns'koï movi. – Kiïv ; Ivano-Frankiv'sk : Vid-vo Prikarpat'skogo nacional'nogo universitetu im. V. Stefaniaka, 2013. – 247 s.
11. Lazutin S. G. Poetika russkogo fol'klora. – M. : Vysshaya shkola, 1981. – 221 s.
12. Narodnye liricheskie pesni. – Vtoroe izd. – L. : Sovetskij pisatel', 1961. – 610 s.
13. Russkie narodnye pesni : sbornik / sost. A. N. Rozova. – L. : Sovetskij pisatel', 1988. – 464 s.
14. Teppeeva Dzh. R. Simvolika v russkom narodnom pesennom diskurse [Elektronnyj resurs] // Filologicheskij aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2021. – № 11(79). – Rezhim dostupa : <https://scipress.ru/upload/mixedimage/journal/2021-11-01-10-51-57-oblozhka-filologicheskij-aspekt.jpg> (data obrashcheniya: 03.10.2023).
15. Tolstaya S. M. Kategoriya rodstva v etnolingvisticheskoj perspektive // Kategoriya rodstva v yazyke i kul'ture. – M., 2009. – S. 7–22.
16. Ufimceva N. V. Russkie: opyt eshche odnogo samopoznaniya // Etnokul'turnaya specifiika yazykovogo soznaniya. – M., 1996. – S. 139–162.

The article was contributed on January 22, 2024

Сведения об авторе

Марфина Жанна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, ректор Луганского государственного педагогического университета, г. Луганск, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-5838-4954>, marfina.zhanna@mail.ru

Author Information

Marfina, Zhanna Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Rector of Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-5838-4954>, marfina.zhanna@mail.ru